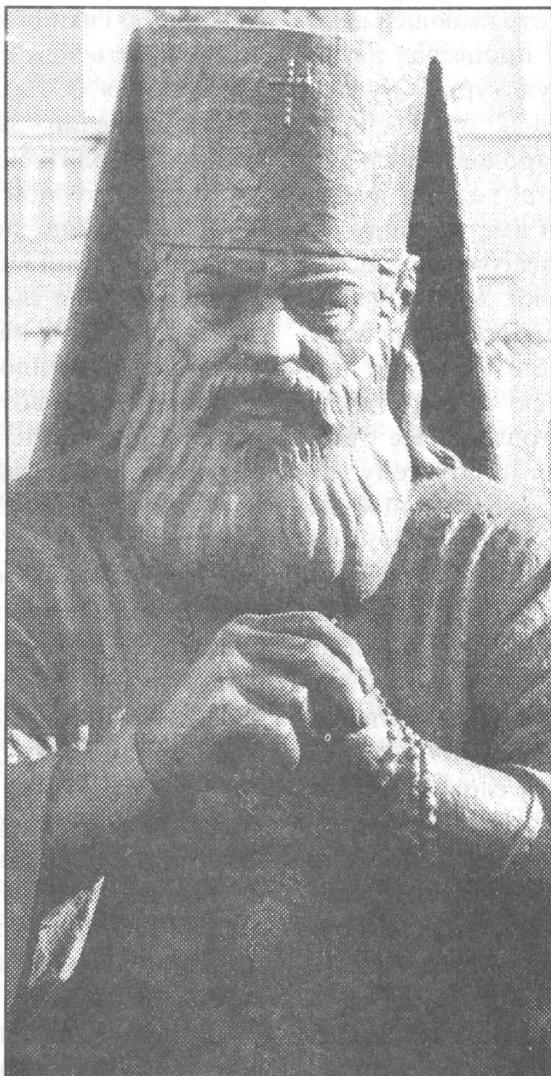

В Красноярске установлен памятник Православному Архиепископу и великому хирургу

15 ноября 2002 года, на проспекте Мира, возле красивейшего старинного здания Архиерейского дома в Красноярске был установлен памятник Святому Архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому). Это торжественное событие произошло при участии и по благословению Высокопреосвященнейшего Владыки Антония, Архиепископа Красноярского и Енисейского. В открытии памятника приняли участие представители властей города, православные священнослужители и верующие, медицинские работники, творческая интеллекция Красноярска.

Великий подвижник, святой Архиепископ Лука отстаивал Православную веру в трудные времена гонений на Церковь во многочисленных ссылках, тяготах и лишениях. Неоднократно он был в ссылках и в Красноярском крае: поселке Большая Мурта, городах: Енисейск, Туруханск и Красноярск. В тяжелые годы Великой Отечественной войны Святитель, находясь в ссылке в краевом центре, занимал кафедру Архиепископа Красноярского и Енисейского. В 1999 году Святой Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) был канонизирован как местночтимый свя-

той в нашей епархии.

Святитель был также еще и великим хирургом, спасшим жизни множества людей, солдат Великой Отечественной войны. Его труд «Очерки гнойной хирургии» - до сих пор одно из самых значительных произведений в данной области.

Был установлен памятник работы известного скульптора, заслуженного деятеля искусств России Бориса Ильича Мусата, чьи скульптуры хранятся во многих музеях России и за рубежом.

На видном месте, в маленьком скверике, выходящем на центральный проспект Красноярска, возвышается величественная фигура Святого Подвижника. Памятник создан в виде сидящего в монашеском облачении Архиепископа, как бы

задумавшегося о бренности жизни, о судьбах людей, о судьбах нас - красноярцев.

Увековечивание памяти Православного Святителя и выдающегося общественного деятеля Святого Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) - это естественное проявление памяти народной, душевной благодарности красноярцев Святителю за его труды во спасение душ и тел страждущих, за жертвенность в служении Богу, Церкви и людям.

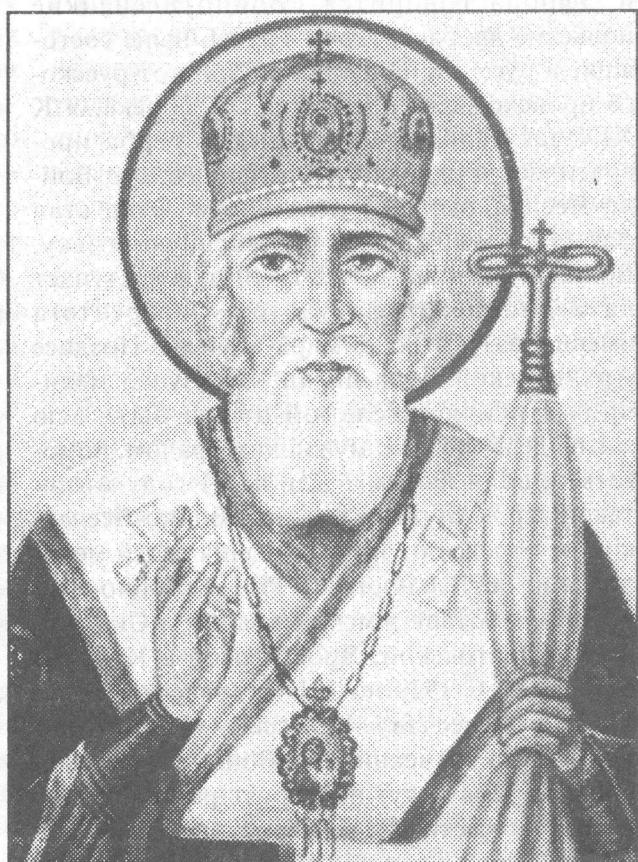
СВЯТОЙ АРХИЕПИСКОП ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ) ЖИЗНЬ НА КРАСНОЯРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Многие годы красноярцы хранили память о Владыке Луке, Архиепископе Красноярском и Енисейском, проходившем свое служение в нашем суровом крае в столь же суровые годы: 1942-1943 годах. Его святой образ жизни и беззаветное служение людям остались в памяти народной и закономерно выразились в канонизации Архиепископа Луки в 1999 году, как местночтимого святого Красноярской земли.

Но еще до своего служения Архиепископом Красноярским Владыка Лука побывал в наших краях в ссылке, в городах Енисейске и Туруханске, в 1924-1925 годах. Жизнеописание этого периода служения Владыки мы публикуем в этом номере. Взято оно из книги М. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, Архиепископа и хирурга» и опубликованной в журнале «Октябрь», №№ 2-4, 1990 г.

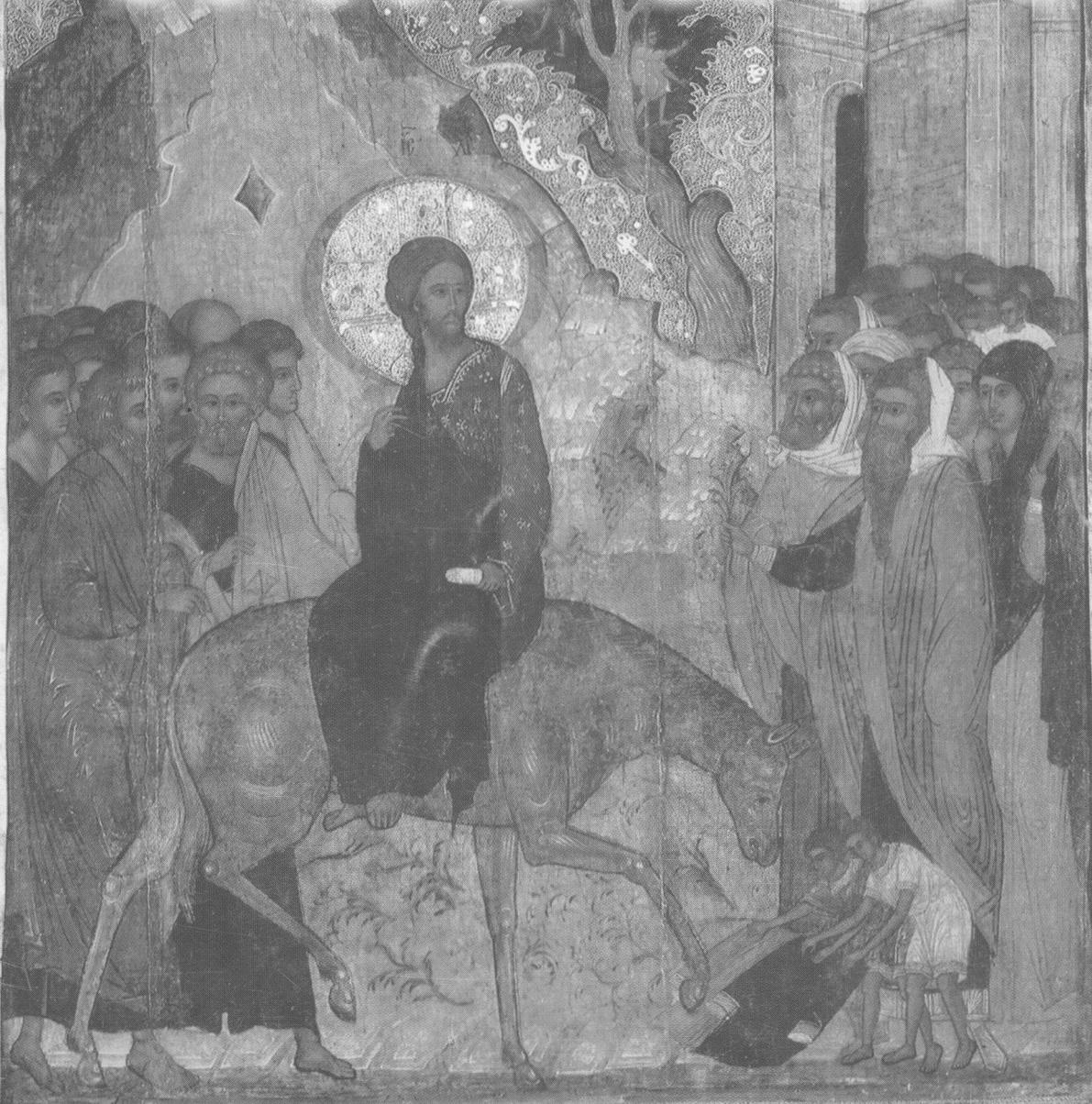

Балентин Феликович Войно-Ясенецкий родился в 1877 г. в Керчи. Умер 11 июня 1961 г. в Симферополе. Хирург, доктор медицины. До 1917 г. медик в ряде земских больниц средней России, позднее - главный врач Ташкентской городской больницы, профессор Среднеазиатского государственного университета. В начале 20-х годов под именем Луки постригся в монахи, был рукоположен в сан Епископа. Многократно подвергался арестам и административным ссылкам (1924-1925 гг. - Енисейск; 1930-1933 гг. -

Архангельск; 1937-1941 гг. - Большая Мурта, Красноярский край). Автор 55 научных трудов по хирургии и анатомии, а также 10 томов проповедей (в машинописном варианте). Наиболее известна его книга «Гнойная хирургия». Избран почетным членом Московской Духовной академии в Сергиевом Посаде. Награды: премия Хойнатского от Варшавского университета (1916), Бриллиантовый Крест на клубок от Патриарха Всея Руси (1944), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945), Сталинская премия 1 степени за книги «Гнойная

ИКИНОЧАР красноярско-енисейской СИБИРИ

хирургия» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов» (1946). Умер в сане Архиепископа Крымского и Симферопольского.

Он, наш современник, прожил при советской власти более сорока лет, по его книге училось несколько поколений советских хирургов. Он читал студентам лекции, произносил доклады на научных съездах, конференциях и проповеди в церквях. Его хорошо знали раненые в военных госпиталях и ссыльные, отбывавшие ссылку в Архангельске и Красноярском крае.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрана говорится «Войно-Ясенецкие польские дворяне, герба Трубы, ныне состоящие в русском подданстве. Род этот русского происхождения, известен с XVI века...» К XIX веку владельцы пышного герба превратились в рядовых землепашцев, дед Войно-Ясенецкого был мельником. Отец стал фармацевтом, открыл собственную аптеку. Войно-Ясенецкий после гимназии поступает на медицинский факультет университета имени Святого Владимира в Киеве. Позднее Архиепископ Лука писал: «Я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помочь бедным людям». Дав на 21 году жизни такой зарок служить мужику, Войно-Ясенецкий не отрекся от него до конца своей медицинской деятельности. С 1905 г. Войно-Ясенецкий работает земским врачом в Симбирской, Саратовской, Ярославской и Курской губерниях. С 1910 по 1917 гг. заведует больницей в Переславле-Залесском. Работу, которую делал земский врач Войно-Ясенецкий, в наше время могут повторить разве что специалисты шести или семи хирургических специальностей: операции на глазах, удаление раковых опухолей в желудке и в мозгу. Оперировал он как акушер, уролог, гинеколог... В историях болезни подробно описывал обстоятельства жизни больных, ибо никогда не существовало для него «медицинских случаев», а были живые страдающие люди, и никогда врач не терял интереса к неповторимой личности и судьбе больного человека.

В 1917 г. из-за болезни жены Войно-Ясенецкий с семьей переезжает в Среднюю Азию, в Ташкент. О том, сколько жизней стоила России революция и гражданская война, мы знаем очень приблизительно. И уже совсем не-

считанными остались миллионы жертв кровавых. В них не стреляли, их не рубили шашками. Их просто убили голод, холод, болезни и переживания. Осенью 1919 г. скончалась от голода и испытаний тех лет самый близкий ему человек, жена и мать четверых детей Анна Ланская. «Она горела в лихорадке, совсем потеряла сон и очень мучилась, - пишет об этих днях Войно-Ясенецкий, - последние тридцать ночей я просидел у ее смертного одра, а днем работал в больнице». В Ташкенте свирепствовали малярия, холера, сыпной тиф. Голод на Волге гнал в Туркестан массы голодающих. Больные и умершие лежали возле больничных ворот. Но властям было не до них. С самого 1917 г. продолжали они резню, которой не было видно конца. Для «бывших» не было оправданий. Их расстреливали без суда. Жестокость была объявлена государственной необходимостью. Ею похвалялись, ее превратили в принцип. Классовых врагов ищут, находят и истребляют. Так воспитывался «новый человек». Молодежь училась быть, издеваться над каждым, кто был не как все (в порядке вещей стали оскорблении верующих, интеллигентов в шляпах и очках, людей в погонах и т. д.).

В эти годы Войно-Ясенецкий все более обращается к вере. А в один из первых дней февраля 1921 г. Войно-Ясенецкий появляется в больничном коридоре в рясе священника, с большим крестом на груди! Это когда на стенах домов тех лет висели плакаты: «Поп, помещик и белый генерал - злейшие враги Советской власти». Объясняя причину принятия сана, он пишет: «При виде карнавалов, издавающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: не могу молчать! Я чувствовал, что мой долг - защитить проповедью оскорбленного Спасителя нашего». Защищал Войно-Ясенецкий и своих коллег. Во время суда над обвиненными в контрреволюции врачами он спас их от расстрела. Когда латыш Петерс (правая рука Дзержинского) задал ему, присутствующему на суде в качестве эксперта, вопрос казавшийся неотразимым: «Как это вы верите в Бога, поп и профессор Войно-Ясенецкий? Разве вы Его видели?» Прозвучал ответ Войно-Ясенецкого, ставший легендарным: «Бога я действительно не видел... Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там так-

же и ума. И совести там не находил...» Врачи были освобождены.

1922-23 гг. были для Церкви трагическими. Шли аресты священников и епископов. В июле 1922 г. в Петрограде расстреляли митрополита Вениамина и 10 священников якобы за то, что противились конфискации церковного имущества. В мае 1922 г. взят под стражу Патриарх Тихон. Ленин пишет свою секретную записку, обосновывая необходимость антицерковного террора: «... чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу РАССТРЕЛЯТЬ, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать». Весной 1922 г. создается раскольничья «живая церковь», сразу заявившая, что не признает Патриарха Тихона и приветствует любые требования советов к Церкви. В это время (1923 г.) Войно-Ясенецкий принимает постриг под именем Луки, а 30 мая тайно рукополагается в епископы. Те дни, что новый епископ Туркестанский и Ташкентский провел на свободе, были днями напряженной борьбы с раскольниками из «живой церкви». Владыка внушал верующим ненависть к церковному подлогу, а власти делали все, чтобы расчистить дорогу своим ставленникам: арестовывали каждого, кто был верен Патриарху Тихону и епископу Луке. Арестовывают и Войно-Ясенецкого и как политического преступника высыпают в Сибирь...

В Таганской тюрьме перенес владыка тяжелый грипп - около недели пролежал в сорокаградусном жару. Наконец в начале декабря был сформирован восточно-сибирский этап. Вместе с Войно-Ясенецким в ссылку на Енисей был отправлен ташкентский протоиерей Михаил Андреев. Позднее к ним присоединился еще один ташкентский протоиерей - Илларион Голубятников. Ехали в арестантских вагонах. В узкий коридор, как в зоопарке, выходили решетчатые двери камер: лишь высоко под потолком - едва пропускающее свет оконце.

Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск... По ночным улицам заключенных с вокзала быстрым шагом перегнали в тюрьму. Утром снова в вагоны - и дальше. Болезнь сердца у Войно-Ясенецкого прогрессирует, но на этапе нет никакой помощи. В Тюмени этап за-

держался, и единственную за всю дорогу склянку настойки валерианы больной получил лишь на двенадцатый день.

Менялись камеры, спутники, ситуации. Новосибирск остался в памяти как место особенно тяжелое. В камеру, отведенную Войно-Ясенецкому и двум его спутникам - профессорам, тюремщики подсадили бандита, убившего восемь человек, и проститутку, которая по ночам уходила «на практику» к тюремной страже. Случалось, что бандиты проявляли к батюшке некоторое уважение, но чаще над ним глумились, его оскорбляли, даже били. В новосибирской тюремной бане у владыки украли деньги, а затем в вагоне разворовали чемодан с вещами. В издевательствах недалеко от уголовников ушла и стража: в Красноярске охрана посадила политических заключенных в подвал, загаженный человеческими испражнениями. Лопат не дали. Вновь прибывшим пришлось чистить свое жилье «подручными средствами». Рядом с подвалом Войно-Ясенецкий несколько раз слышал ружейные залпы: работники ГПУ расстреливали казаков-повстанцев.

Но вот, наконец, и последняя часть пути: в лютую январскую стужу заключенных на санях повезли из Красноярска за 400 километров на север, в Енисейск.

+++

Судьба Енисейска, которую приезжий может без труда восстановить для себя, походив день-другой по улицам, типична для многих сибирских городов. До революции центр золотопромышленного района, Енисейск насчитывал до 15 тысяч жителей. Тут в добротно построенных кирпичных и бревенчатых, с резными наличниками домах жили купцы, золотопромышленники, семьи приисковых рабочих и служащих. Цены на квалифицированный труд стояли тут всегда высокие, так что большинство жителей были людьми обеспеченными - золото всех кормило. Мощные улицы, ухоженный парк, отличные здания гимназии, больницы, дома призрения, одиннадцать, включая собор, златоглавых церквей - все свидетельствовало о достатке городского бюджета. Многое успел сделать для города перед первой мировой войной городской голова - инженер по образованию и довольно известный в Сибири путешественник. При нем было проведено

электричество, появился телефон. Мысля категориями всероссийскими, он настойчиво налаживал торгово-промышленные связи между городами и поселками края. Сам дважды проводил караваны судов с Оби на Енисей и даже представлял в правительство проект соединения двух великих сибирских рек системой современных каналов. В шести тысячах километрах от российских столиц енисейцы завели хорошую общедоступную библиотеку, организовали то, что мы теперь называем драматическим коллективом. Существовал тут и кружок любителей словесности, одно время выпускавший литературный альманах. В городе жили и работали хорошие земские врачи (доктор Бицин, доктор Салтурин), больничная операционная располагала таким операционным инструментарием (его выписали из Германии), какого не было в иных губернских городах.

Гражданская война и пять лет, последовавших после утверждения в Енисейске новой власти (1919-1924), полностью преобразили город. Он опустел. В то время, когда Войно-Ясенецкий приехал в ссылку, в Енисейске едва ли оставалось 6 тысяч человек. Свои добрые дома покинули не только купцы и золотопромышленники, но и учителя, врачи, инженеры, многие речные капитаны. Вместо прежних опытных медиков частную практику открыли фельдшеры (С. М. Бурмакин, Н. Н. Крыловский, Лимескин). Ушли в поисках сбыта своих знаний и мастеровые, от плотников до ювелиров. Купеческие особняки заняли учреждения: горком и окружком ВКП, РИК, ЧК, окружком комсомола. У новых хозяев тоже были свои занятия, своя культура и свои развлечения. И, конечно же, свое представление об общественной структуре. Врач С. М. Якобсон, поселившийся в Енисейске в 1925 году, так описывает политическую ситуацию, возникшую здесь в годы нэпа: «Волей-неволей население делилось на две категории: «красных» и «белых», друзей и врагов. Служители культа, как и кулачество, относились ко вторым. Такова фактически была схема...».

Из этой классовой схемы и произошли в дальнейшем те конфликты, которыми столь богата первая ссылка владыки Луки. Схема работала с четкостью гильотины. Признать ссыльного епископа «красным» хозяева Енисейска, конечно же, не могли. Значит, «бе-

лый». Да не просто «белый», а некоторая центральная фигура, привлекающая к себе симпатии отсталых масс. А раз так - дави и души его, «контру»... Между тем положение в городке в связи с приездом Луки сложилось отнюдь не простое. «За всю историю Енисейска, - пишет Якобсон, - не было еще такого, чтобы иметь в городе известного миру ученого в сочетании в одном и том же лице с Высокопреосвященством. Немудрено поэтому, что положение священнослужителя в отсталой, темной части населения в первую очередь, довольно скоро нашло понимание, преклонение, сочувствие». Но одновременно, по словам Якобсона, большая часть енисейской интеллигенции видела в Войно-Ясенецком ученого, а «практическая деятельность профессора стала способствовать росту его авторитета как врача».

Лука не вписывался в схему. По той или иной причине его приветствовала большая часть населения, к нему тянулись и «реакционные» и «прогрессивные». Чиновников раздражала эта возникшая со ссылочным неясностью. Однако очень скоро в глазах должностных лиц фигура Войно-Ясенецкого прояснилась полностью. Он открыто продемонстрировал властям свою нераскаянность. Заняв на Ручейной улице (ныне Фефелова) в двухэтажном доме Забоевых просторную квартиру с гостиной, епископ Лука со своими спутниками протоиереем Илларионом Голубятниковым и Михаилом Андреевым начал по воскресеньям и праздничным дням совершать богослужения. Служить в квартире пришлось оттого, что, как объяснено в «Мемуарах», в Енисейске «священники уклонились в живоцерковный раскол», а общаться с «живоцерковниками» Лука принципиально не желал. Служба по традиционному чину собирала немало народа, и квартира ссыльных священнослужителей в короткое время стала местом, где верующие открыто выражали несогласие с официальным, пока еще не отмененным церковным курсом.

Впрочем, и такую свою деятельность Войно-Ясенецкий стал считать вскоре слишком пассивной. Если верить слухам, которые и доныне передают в Енисейске, он принял захватывать закрытые властями храмы и служить в них. Во всяком случае, один такой эпизод местные жители помнят хорошо. Открыть храм, закрытый по решению райиспол-

кома, это уже акт явного неповиновения. Луку вызывали в ГПУ. Держался он с достоинством, заявил, что виноватым себя не считает и впредь намерен возносить хвалу Богу в специально построенных для того храмах, и, как говорят, добавил, что единственными хозяевами над собой признает Бога и Патриарха.

Дело в тот раз ограничилось выговором. Должностные лица допустили по отношению к ссыльному послабление, может быть, потому, что еще не привыкли к сочетанию епископской рясы и профессорского звания. А может быть, и оттого, что Войно-Ясенецкий уже сделал несколько удачных операций, о которых в Енисейске много говорили. Власти решили потерпеть некоторые причуды епископа, чтобы на всякий случай сохранить в городе хорошего хирурга. Лука никакого внимания на вызов ГПУ не обратил, служба в церкви и на квартире продолжалась. Но не прошло и недели, как положение усугубилось снова. Войно-Ясенецкий ввязался в новую битву.

В 20-х годах тон в городе задавали комсомольцы. Они были первыми и самыми страстными проводниками партийной политики, и в том числе политики классовой непримиримости. Мы уже говорили о буквально физиологической потребности новой власти изыскивать заклятых врагов и непременно изничтожать их. Поскольку после 1919 года в Енисейске и его окрестностях реальных противников не осталось, жаждущие побед комсомольские вожаки повели массы «на штурм небес». С «небесами» расправлялись просто. «Незадолго до моего приезда в Енисейск, - пишет в «Мемуарах» владыка Лука, - был закрыт женский монастырь, и две послушницы этого монастыря рассказали мне, каким кощунством и надругательством сопровождалось закрытие храма Божьего. Дело дошло до того, что комсомолка, бывшая в числе разорявших монастырь, задрала все юбки и села на Престол». Случай, который настолько потряс владыку, был для той эпохи вполне заурядным. Бывший милиционер Михаил Федорович Терещенко с большой охотой рассказывал мне, как в 1924-1925 годах он сам обдирал с икон Успенского собора золотые ризы, как грузил на подводу реквизированные Чаши и кадила; как помогал стаскивать с церквей колокола. Во время реквизиций ве-

рующих - порой набегало несколько сот человек, стоя поодаль, ругали представителей власти и комсомольских активистов. Терещенко слышал и проклятия, и молитвы, в которых верующие призывали громы и молнии на головы богохульников. Исполняя свой служебный долг, милиционер Терещенко вынужден был давать время от времени предупредительные выстрелы в воздух, а кое-кого и препровождать в милицейский участок. Впрочем, сам Терещенко к верующим относился, по его словам, без всякого зла. Вспомнил он также, как зимой 1924 года молодые борцы с религиозным дурманом опрокинули в деревне Сотниково часовню: «Просто так, для смеха».

Главным заводилом всех антирелигиозных проделок в Енисейске был один из первых секретарей райкома комсомола - веселый рыжий Митька Щукин. Он организовал молодежную капеллу, члены которой разыгрывали смешные сценки про попов и монахов. Он же выводил комсомольцев на пасхальные и рождественские карнавалы, на которых сжигали чучела все тех же попов и монахов. Наконец, не кто иной, как Митька Щукин, был автором антирелигиозных частушек и песенок. С гармошкой в руках, лихо сдвинув на затылок кепку, секретарь появлялся на подмостках Дома культуры, устроенного в доме изгнанного купца Баландина, и, к вящему удовольствию молодых атеистов, исполнял такие, к примеру, вирши:

В ссылку приехал Епископ Лука,
Солиднее будет успенского попа.
Стали монашки к нему приходить,
Стирать и портяночки мыть...

Автора виршей я в Енисейске не застал. Д. Щукин в 30-е годы работал в органах НКВД, потом в КГБ. Сейчас на пенсии. Удалось дознаться, что он находится в Риге, но адреса мне его не дали, объяснили - крупные работники госбезопасности не обозначены ни в телефонных справочниках, ни даже в картотеке адресного бюро. Ну что ж, надо полагать, у Дмитрия Щукина действительно есть причины скрывать свой адрес и телефон. И хотя мы не знаем, что делал он в 30-х и 40-х годах, но некоторые задатки будущей щукинской карьеры четко прослеживаются уже в двадцатые. Уничтожительными песенками и карнавалами он не ограничивается. Бывшая пионервожатая в Енисейске, а ныне

пенсионерка республиканского значения Евдокия Яковлевна Ким, вспоминает, что весь 1924 год в городе гремели взрывы: комсомольцы под руководством своего секретаря разрушали церковные здания. О воскресниках, на которых молодежь после взрыва в Рождественской церкви разравнивала площадку для комсомольских собраний, рассказывает врач Маргарита Петровна Овчинкина.

Живя в Ташкенте, епископ Лука полагал, что все беды Русской Православной Церкви в послереволюционную пору происходят лишь от козней «живоцерковников». Кощунственная молодежь не казалась ему достойной серьезного отпора. Но в Енисейске «живоцерковники» реальной силой не обладали, зато разгул комсомольцев-атеистов грозил полностью лишить город мест молитвы. Лука решил протестовать. Несколько раз он выступал с проповедями, пытался урезонить, пристыдить разрушителей храмов. Потом принял участие в публичном и, как говорят, многолюдном диспуте с молодым медиком-атеистом Чеглецовым. Но ни успокоить, ни даже умерить антирелигиозную волну 20-х годов было, конечно, невозможно. Лука только еще больше настроил против себя енисейское партийное и советское начальство. А скоро к доносам церковного характера присоединились жалобы на Войно-Ясенецкого от местных фельдшеров.

Два с небольшим месяца (январь-март 1924 года) жизни Войно-Ясенецкого в Енисейске были насыщены чрезвычайно яркими житейскими и медицинскими эпизодами, насыщены большой хирургической работой, которую владыка совмещал с напряженной жизнью религиозной.

После первых операций к Войно-Ясенецкому хлынули горожане и крестьяне из окрестных сел. Список желающих получить помощь был составлен на три месяца вперед, а больные все ехали и ехали. И тут Башуров (местный доктор) испугался уже не на шутку. На каждую операцию с участием Войно-Ясенецкого полагалось получать отдельное разрешение, а разрешения эти давались тугу. Растущая популярность Луки раздражала городских начальников. Кроме того, в ГПУ подозревали, что «поп», принимая дома, получает большие гонорары. Чтобы поймать Луку с поличным, к нему несколько раз под-

сылали «разведчиков». Но оказалось, что никакой мзды с больных он не берет, а в ответ на благодарность пациентов отвечает: «Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему». Но в качестве врача-бессребреника Лука все равно не устраивал власти. К тому времени каждому было известно, многократно повторено: советская власть, то есть «красные», обеспечивает народу бесплатную медицинскую помощь, и тем спасает трудящихся от корыстолюбия частных врачей, то есть «белых». Все ясно, все четко. А тут вдруг Войно-Ясенецкий частный, но бескорыстный. Пресловутая схема опять давала трещину.

Как и в Ташкенте, он оставался собой и только собой. Другим быть попросту не мог. Официальным лицам его поступки казались странными, подозрительными. Но, очевидно, более несуральным был мир, в котором все многоцветие человеческой индивидуальности люди пытались свести к двум цветам - красному и белому. Войно-Ясенецкий, хирург и епископ, ни к какой партии себя не причислял, ни в какой общности, кроме Православной Церкви, себя не числил. У него был свой собственный отсчет времени и пространства, свое представление о том, что должно и чего не должно делать человеку. Свое врачебное мастерство считал Лука даром мистическим, предназначенным, в частности, для прославления и утверждения Бога. И как врач вел он себя в полном соответствии с дарованными ему способностями. Не отказывал он в помощи самым сирым и убогим, не брал ничего за лечение, мог целыми днями возиться с какими-нибудь хворыми и грязными ребятишками деревенскими и в то же время способен был запросто выгнать пришедшего на прием атеиста. Это не было с его стороны акцией политической, а только выражением его, Епископа Луки, религиозных нравственных представлений.

Так случилось, когда на прием к нему в дом явились одетые в служебную форму милиционеры. Один из них за день до того спьяну упал с телеги и ушибся. Между профессором-епископом и милиционерами произошел следующий диалог:

- Вот пришел к вам лечиться, доктор...

- Я коммунистов лечить не стану. Я исцеляю с помощью Господа нашего Иисуса Христа, а вы в Него не верите.

- Не верим, - подтвердили милиционеры, - мы верим только в науку. - И ушли.

Конечно, ни о какой науке енисейские милиционеры, с грехом пополам окончившие четырехклассное училище, не имели представления. Но словесные залпы, которыми представители власти считали нужным обменяться с профессором-епископом, тоже входили в ритуальную советскую систему 20-х годов. По схеме этой, «белые» - всегда врачи и гонители науки, «красные» же - ее все-гдашние покровители.

О врачебном мастерстве Войно-Ясенецкого говорили мне в Енисейске 79-летняя библиотекарша Татьяна Александровна Хнюнина, бывший почтовый работник Иннокентий Николаевич Богушевич, 66 лет, медсестра-пенсионерка, 73-летняя Варвара Александровна Зырянова. Особенно запомнились старым енисейцам глазные операции Луки. Так, в одной семье отец, мать и несколько маленьких детей были от рождения слепы. Из семи человек шесть стали после операции зрячими. Прозревший мальчик лет девяти вышел впервые на улицу. С изумлением увидел он мир, который прежде представлялся ему совсем иным. Подвели лошадь. Видишь? Чей это конь? Мальчик не мог ответить. Но, ощупав коня, закричал радостно: «Это наш, наш Мишка!» Так же трудно было ему сначала понять на взгляд, что это за штука такая - карандаш... Семья недавних слепцов буквально боготворила хирурга-епископа, на просьбы принять от них какие-нибудь подношения, Лука, как всегда, отвечал отказом.

Операции Луки привели, однако, к последствиям самым неожиданным: замечательного хирурга выслали в глухую деревню. Недовольствие енисейского городского начальства сомкнулось с раздражением местных медиков, у которых Войно-Ясенецкий попросту отбил клиентуру. В середине марта его арестовали и под конвоем выслали еще на несколько сот километров южнее, на Ангару. Вместе с ним в ссылку поехали его близкие: протоиереи Илларион Голубятников и Михаил Андреев, а также две монашки, которых Епископ Лука постриг в Енисейске под именами Лукия и Валентина.

Маленькому каравану пришлось преодолеть по замерзшему Енисею 90 километров, добираясь до устья Ангары. Потом по ангарскому льду шли еще более 100 километров

до районного села Богучаны. Тут ссыльных разлучили: Голубятникова и Андреева послали в деревню недалеко от Богучан, а «главного преступника» Войно-Ясенецкого за 120 километров в деревню Хая, что лежит на притоке Ангары - Чуне. Хая - деревушка в восемь дворов. Кругом бескрайняя лесная пустыня. В марте тут еще глубокая зима. Дом, где со своими монашками поселился Лука, часто до крыши заносило снегом. Приходилось ждать, пока утром олени протопчут тропу, чтобы можно было принести хвороста на растопку. Питание - скучное. Ссыльным не только искупаться, умыться поначалу негде было: в рукомойнике, который висел в сенях, замерзала вода.

Тяготы ссылки переносил Войно-Ясенецкий без ропота. «Обо мне не заботься, я ни в чем не нуждаюсь», - писал он сыну Михаилу из Енисейска и через несколько месяцев снова: «Обо мне не беспокойтесь. Господь отлично устроил меня в Хае. Я радостен, глубоко спокоен, никаких нужд не испытываю - монахи с большой любовью заботятся обо мне». Это письмо писалось в то самое время, когда жизнь в Хае была совершенно невыносима из-за придиорок и издевательств старухи, хозяйки дома, в котором Войно-Ясенецкий был определен на поселение. Старуха стала выживать ссыльных из жилья и в конце концов выгнала их. Лука с монахинями вынесли из дома свои вещи и сели на поклажу у стены. Эта картина возмутила даже обычно глухое к чужому горю деревенское «общественное мнение». Односельчане стали стыдить старуху и заставили ее вернуть квартирантов в дом.

В июне последовал приказ отправить Войно-Ясенецкого обратно в Енисейск.

Те, кто сослал епископа Луку в глухую деревню, естественно, полагали, что, наголовавшись и намучившись, он вернется обратно более покладистым. Да и как же иначе: в городе, даже таком, как Енисейск, жить удобнее, сытнее, приятнее, чем в таежной деревушке. Сравнив сладкое с горьким, человек должен избрать сладкое. А избравши, приступить к ногам начальства с покаянием. Такова нормальная реакция, на которую рассчитывают власть имущие. Для Войно-Ясенецкого трехмесячный искус на Ангаре был только лишним доводом за то, что он прав. Тебя ненавидят, тебя боятся, от тебя пыта-

ются избавиться - великолепно. Значит, твое слово действительно наводит страх на одних и укрепляет веру в других. А ведь это то самое, о чем, по словам Апостола Луки, небесного покровителя Епископа Луки Ташкентского, говорил когда-то Христос: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого» (Лк. 6, 22). Нет, епископ Лука вовсе не считал, что сладкое во всех случаях жизни лучше горького. Но он не собирался отступать от самого себя. Он не собирался отступать и в Енисейске.

Едва разложив свое немудреное имущество в том же доме Забоевых на Ручейной, он в церкви Преображения Господня отслужил литургию. Да не как-нибудь, а архиерейским чином. Коренная енисейская жительница Наталья Евдокимовна Ермолина, в свои 67 лет все еще изящная, даже красавая сибирская казачка, хорошо помнит ту давнюю литургию. Она и ее молодые тогда подруги пели на клиросе. Песнопения по нотам композитора Бортнянского хористки начали разучивать задолго до возвращения Луки с Ангарами. Очень уж им хотелось показать владыке свой хор во всем блеске. И действительно, руководимое Епископом богослужение своей строгостью и стройностью запомнилось енисейцам надолго.

А вскоре новое событие вззволновало город: в конце июня 1924 г. в той же Преображенской церкви епископ Лука посвятил в сан священника 40-летнего псаломщика Николая Тюрнева. В эпоху, когда священников арестовывали только за то, что они священники, надеть рясу значило проявить недюжинное мужество. Обряд рукоположения превратился в мрачную, почти похоронную процессию. Прихожане настолько уверились в скром и неизбежном аресте Тюрнева, что в тот момент, когда на него надели черную рясу и черный широкий пояс, а епископ благословлял его, народ в церкви разразился рыданиями. Предчувствие беды не обмануло енисейцев. Очень скоро после того, как новый батюшка поселился в селе Ворогове, его арестовали и долго держали в тюрьме. Арестовывали его и потом, в течение всей жизни.

... Передо мной старый снимок: на фоне провинциальных фотодекораций семья человек - священники и светские люди. На пере-

днем плане, возвышаясь на полголовы над своими соседями, сидит епископ Лука, в рясе, в черном клубке, с панагией на цепи. Снимок сделан в начале 1924 г. Летом 1970 г. его подарила мне енисейская жительница Варвара Александровна Зырянова. Передавая мне портрет, она призналась, что долго хранила и другие снимки Луки, а также портреты Патриарха Тихона, но страх перед обыском и арестом заставил ее сжечь все фотографии. На фотографии Епископ худ, сосредоточен, серьезен. Даже пред объективом руки его продолжают перебирать крупные четки. В позе, во взгляде - отрешенность от мирских дел. Но мы знаем - дела эти существовали. В Ташкенте осталось четверо маленьких детей Войно-Ясенецкого, на Украине, в Черкассах, доживали век его родители, далеко на западе - в Москве, в Киеве - коллеги-врачи развивали любимую его науку - хирургию. Читаю письма Епископа Луки начала 20-х годов и еще раз убеждаюсь: нет, в общении с внешним миром он все тот же, что и в общении с людьми веры. Какие бы внецерковные дела ни отвлекали Войно-Ясенецкого, суть его контактов с людьми сводится к проповеди, к размышлению о благодетельности веры, к призыву любить и трудиться, потому что нет другого пути приближения к Божеству.

Письма Луки из сибирской ссылки принадлежат перу глубоко верующего человека, для которого нет иного взгляда на мир, кроме взгляда религиозного. Однако в этих строках, написанных полвека назад, интересно и другое: в них не удается обнаружить ни грана горечи или обиды, столь естественных для несправедливо обиженного, незаконно осужденного! Зато явственна в них уверенность человека, который слишком хорошо знает себе цену, чтобы раздражаться по поводу мелких пакостей провинциальной милиции. Если Войно-Ясенецкому и приходится иногда писать о перенесенных в ссылке тяготах, то лишь для того, чтобы объяснить, отчего он не имел возможности снести со своим адресатом.

От непослушного Епископа надо было избавиться раз и навсегда. Оставить его в Енисейске? Ни в коем случае! В Туруханск его, в Курейку, на Диксон! Для начала решили - в Туруханск. Ждали только транспорта. В конце июня 1924 года из Красноярска пришел караван. Маломощный пароходик тащил на

буксире несколько старых барж. Баржи были набиты ссыльными, в основном эсерами. Меньше чем через семь лет после революции правительство большевиков ссылало в Туруханский край своих недавних политических сообщников. В трюм одной из этих грязных посудин втиснули и Луку. Ехал он один: монахиням сопровождать его запретили.

«Путь по широкому Енисею, текущему в безграничной тайге, был скучен и однообразен», - писал впоследствии Войно-Ясенецкий. Действительно, после Енисейска, если плыть вниз, на Север, берега реки становятся низкими, болотистыми, унылыми. Пристани мало. Для пассажиров одно развлечение - кормить чаек, которые целыми днями кружат над судном в ожидании подачки. За полвека, прошедших со времени Луки, тут мало что изменилось. Может быть, только больше стало брошенных деревень. Уходит отсюда народ... А было время: кипели здешние берега жизнью особого рода. В 30-50-е годы нашего века, почти как при Аустерлице, перебывала тут «вся Европа»: везли тогда вниз по реке пленных офицеров, генералов и чиновников Польши, Румынии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы. Потом пошли немцы, венгры, чехи. Говорят, даже американцев здесь видели. А уже русских, украинцев, кавказцев - этих проволочено тут и похоронено по берегам Енисея бесчислено. В 20-х годах все только начиналось.

Караван тянулся по реке медленно, полторы тысячи верст вниз по течению шли без малого две недели. Баржи качало, по ночам свистел ветер, визжало какое-то ржавое железо. Солнца ссыльные почти не видели: лето выдалось сырое, холодное, с дождями. Унылая погода, безрадостная водная пустыня широко разлившегося в низовьях Енисея наводили на мрачные думы. Люди ехали на Север с тяжелым сердцем, впереди предстояли годы лишений. Многих точила мысль, удастся ли вообще выбраться отсюда подобру-поздорову? Только Лука сохранял спокойствие. Ночью спал на своем ждком тюфячке, подкладывая под голову присланную дочерью подушечку-думку, днем читал Ветхий и Новый Завет, серьезно и сочувственно беседовал с эсерами, из которых кое-кто уже начал понимать тщету своих политических иллюзий. В разговорах охотно вспоминал он о Божьей птичке, которая не жнет,

не сеет, и сам жил, не слишком отличаясь от той птички. В первой ссылке на Енисей принципы эти особенно ему пригодились.

Край, куда ехал Епископ Лука, представлял собой в 20-х годах гигантскую территорию, протянувшуюся вдоль Енисея на несколько тысяч километров. На севере эта географическая громада завершалась берегом Ледовитого океана, на юге весьма нечеткие ее пределы терялись где-то в приангарской тайге. «Столица» края - город Туруханск, а точнее Ново-Туруханск (в прошлом село Монастырское), насчитывала две-три сотни одноэтажных деревянных домишек, рассыпанных по высокому косогору при впадении в Енисей реки Нижняя Тунгуска. Школа и тюрьма, исполнок и магазин, почтовое отделение, больница и фактория Сибпушнины - вот и все присутственные места города. Был тут еще в прошлом Троицкий Туруханский монастырь, основанный 250 лет назад, но в советское время его упразднили, а монахов выгнали. Осталась лишь Троицкая церковь с зимней и летней половиной. Рыбаки и охотники, основные жители Туруханска, обходились без тротуаров, электричества, хлебопекарни, аптеки. В столице края, протянувшегося на несколько тысяч километров, не было также портняжной и обувной мастерских, библиотеки. Газеты приходили с опозданием на месяц. Енисей и его притоки - единственные дороги, по которым шло снабжение края - восемь месяцев лежат подо льдом. А зимой единственным реальным видом транспорта оставались запряженные собаками нарты. Бывалых людей, эсеров, от одного вида Туруханска оторопь взяла, а Лука...

«В Туруханске, когда я выходил из баржи, толпа народа вся опустилась на колени, прося благословения. Меня сразу же поместили в больницу и предложили вести врачебную работу. Незадолго до больницы распознал у себя рак нижней губы и уехал в Красноярск... В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала из Красноярска молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал большие операции, как резекции верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных».

Вот и все. И ни слова о морозах, нищете, о неустроенности быта.

У многих остался в памяти ритуал, которым сопровождалась встреча больного с профессором-епископом. «Придешь к Луке со сложенными руками ладонями вверху. Он на твои ладони свою левую кладет, а правой тебя ограждает (благословляет М. П.). Потом протягивает тебе свою руку для целования. Кто таким манером к нему обращался, того принимал он без очереди».

Особый церемониал существовал для операционной, где по старой, ташкентской еще, традиции на тумбочке стояла икона, а возле нее - зажженная лампада. После подготовки операционного поля Войно-Ясенецкий, по словам Ф. И. Накладова, ставил на теле больного йодом крест.

Проповеди его церковные тоже многим памятны. Говорил просто, но слова были весомые. Пустого не говорил. Проповедовал дружбу между людьми, уважение друг к другу, предостерегал от спиртного, объяснял, как сберечь свое здоровье. В ту пору от турханцев часто можно было услышать по любому поводу: «Лука так сказал». И конец. Лука - высший авторитет. Слушать его любили. Правда, не все и не всегда было понятно в его проповедях. Призывает, к примеру, Лука молиться от всего сердца, отдавать себя молитве полностью и рассказывает при этом, что одна женщина молилась, стоя на коленях, так усердно, что однажды отделилась от пола и на какое-то время повисла в воздухе. «Я в это верю и вас призываю верить», - говорил Епископ Лука. А в другой раз еще того удивительнее выразился: «Я верю в Бога, но тружусь вопреки Ему: Он людей наказывает болезнями, а я исцеляю». Может быть, и не совсем ту самую мысль высказал в проповеди Епископ Лука (Силой Божией он и исцелял. - Ред.), но именно эти слова сохранились в народной памяти.

Войно-Ясенецкий записал: «В Туруханске был закрытый мужской монастырь, в котором, однако, стариком священником (отец Мартин Римша) совершались все богослужения. Он подчинялся красноярскому живоцерковному архиерею; мне надо было обратить его и всю Туруханскую паству на путь верности древнему православию. Я легко достиг этого проповедью о грехе великом Церковного раскола: священник принес покаяние

перед народом, и я мог бывать на церковных службах и почти всегда проповедовал в них». (В дальнейшем священника о. Мартина арестовывают за отказ присутствовать при вскрытии мощей святого Василия Мангазейского в раке бывшего Туруханского монастыря. Затем 12 лет ссылки и лагерей. Умер в 1941 г. Лука все эти годы посыпал ему в лагеря денежные переводы.)

«До его приезда, - пишет Савинская (Римша), - совсем мало людей посещало церковь, а с его приездом приток прихожан в церковь значительно усилился. Туруханцы мне говорили, что в двунадесятые праздники верующие выстилали дорогу ему от больницы до церкви красным сукном, коврами и половиками...»

В маленьком городке все на виду. С тех пор, как приехал епископ Лука, церковная жизнь в Туруханске явно оживилась. Итак, ясно: в лице ссыльного епископа появился откровенный враг. Схема вещает: мракобесы активизировались, надо принимать решительные меры.

«Здание ГПУ стояло очень близко к больнице. Меня вызвали туда, и у входной двери я увидел сани, запряженные парой лошадей, и милиционера. Уполномоченный ГПУ встретил меня с большой злобой и объявил, что за неподчинение требованиям исполкома я должен немедленно уехать дальше от Туруханска и на сборы мне дается полчаса времени. Я спокойно спросил, куда же именно меня высыпают, и получил раздраженный ответ: на Ледовитый океан».

То, что затеяли хозяева Туруханска, иначе, как преднамеренным убийством, не назовешь. (Одним из новых хозяев был Ф. Я. Бабкин, герой гражданской войны, председатель Туруханского совета. В это время ему было 27 лет. В юности он работал подручным слесаря, дошел до помощника машиниста на речном судне. Начиная с 1918 г., он только командует. В качестве командира партизанского отряда без разбора расстреливал енисейскую «чистую публику», которую, независимо от пола, возраста и общественного положения, определял одним словом - «контра».

В 1919 г. Бабкин первый председатель городского исполкома Енисейска. После Туруханска пошел на повышение в Москву. В 1938 г. расстрелян как враг народа.)

В разгар зимы, которая в 1924-1925 годах выдалась особенно жестокой, отправить на открытых санях за полторы тысячи верст человека, не имеющего теплой одежды, значило обречь его на неизбежную гибель. Коренной енисеец, Бабкин все это, конечно, хорошо понимал. Епископу Луке предстояло сгинуть среди ледяной пустыни так же, как до него и после него сгинули там тысячи раздетых и разутых русских людей, чья вина в том только и состояла, что они не сумели предугадать всех крутых поворотов российской истории. Но Войно-Ясенецкий не погиб. Спасение свое объяснял он позже обстоятельствами мистическими. В пути по замерзшему Енисею в сильные морозы, писал он, «я почти реально ощущал, что со мной - Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня».

Едва Бабкин и его присные произнесли свой приговор, как вокруг обреченного образовался сонм доброжелателей, о существовании которых власти не могли даже догадаться. Первым и наиболее верным оказался милиционер, которому было поручено сопровождать ссыльного. Ссыльные эсеры собрали теплую одежду.

... Чем дальше на север, тем тяжелее становилась дорога. Один из станков сгорел, путники не могли остановиться в нем на ночь. Кое-как достали оленей, ослабевших от бескорьиц, на них долго добирались до следующего станка. В тот день при жестоком морозе проехали не меньше 70 верст. Даже в своей меховой одежде Лука закоченел так, что его пришлось на руках нести в избу. Туруханские власти не определили точного места, где следовало поселить изгнанного из «столицы» Епископа. Принять окончательное решение было поручено милиционеру. Они проехали уже более 400 километров на север. До берега океана осталось столько же. Но вот в енисейском станке Плахино, четвертом по счету за Игаркой, немногого не доехав до Дудинки, сопровождающий внес багаж Луки в засыпанную снегом избу и объявил, что отныне место жительства ему определено здесь.

«Это был совсем небольшой станок, состоящий из трех изб и, как мне показалось, еще двух больших груд навоза и соломы. Но и это были жилища двух небольших семей. Мы вошли в главную избу, и вскоре сюда же вошли

ли вереницей очень немногочисленные жители Плахина. Все низко поклонились мне, и председатель станка сказал мне: «Ваше Преосвященство! Не извольте ни о чем беспокоиться: мы для вас все устроим». Он представил мне одного за другим мужиков и женщин, говоря при этом: «Не извольте ни о чем беспокоиться. Мы уже все обсудили. Каждый мужик обязуется поставить вам полсажени дров в месяц. Эта женщина будет для вас готовить, а эта - стирать. Не извольте ни о чем беспокоиться». Всякого другого тоскливой, однообразной, в чем-то даже страшная жизнь заживо погребенного повергла бы в уныние. Но Епископ Лука даже в этих критических обстоятельствах находил повод для интересных наблюдений, для юмора. Он с улыбкой пишет о птице, похожей на комок розового пуха, которую ему удалось увидеть вблизи жилья, о том, как баба, которая обещала стряпать для него, подралась со своим любовником и отказалась готовить пищу. Впервые в жизни профессор-епископ принял варить себе обед сам.

С той же светлой иронией, которая чаще всего обращена к самому себе, рассказывает Лука, как исполнял он в ссылке обязанности священника и проповедника. «У меня был с собой Новый Завет, с которым я не расставался и в ссылках своих. И в Плахине я продолжал крестьянам читать и объяснять им Евангелие. Они как будто с радостью откликнулись на это, но радость была недолгая, с каждым новым чтением слушателей становилось все меньше, и скоро прекратились мои чтения и проповеди». Еще более затруднительным оказалось в 250 километрах за Полярным кругом крестить младенца. «У меня не было ничего: ни облачения, ни требника, и за неимением последнего я сам сочинял молитвы, а из полотенца сделал подобие епитрахили. Убогое человеческое жилье было так низко, что я мог стоять только согнувшись. Купелью служила деревянная кадка, а во время совершения Таинства мне мешал теленок, вертевшийся около купели. Святого Мира у меня, конечно, тоже не было. Но я вспомнил, что я преемник Апостолов, заменил миропомазание возложением рук на крещаемых с призыванием Святого Духа, как это делали Апостолы в свое время».

Через два месяца Лука вернулся в Туруханск победителем...

+++

После первой ссылки владыка возвращается в Ташкент... Официальный Ташкент тех лет не желал, чтобы люди свободно торговали, он не хотел также, чтобы врачи лечили больных частным образом, сапожники приватно шили обувь, а архитекторы создавали личные по своему вкусу проекты построек. Но более всего была ненавистна мысль о людях, которые молятся не их богу, о тех, кто самовольно собирается в храмы и вместе издавательской «Библии для верующих и неверующих» читает просто Библию. И торгующие и верующие казались опасными новой власти тем, что сохраняли какие-то остатки свободы. Одни - материальной, другие - духовной. «Церковник» тех лет - это человек без всяких гражданских прав, его можно просто арестовать, выслать, убить.

Заголовки газет 1926-1931 гг.: «Поповский обман. Что показало вскрытие мощей Митрофана Воронежского», «Поповские выступления встретили отпор со стороны пролетариата», «Колокола на индустрию». Лука борется в этом разгуле страстей. Из «Мемуаров»: «Весной 1930 г. мне стало известно, что церковь (Преподобного Сергия Радонежского, в которой он служил) предназначена к разрушению. Я не мог терпеть этого, и принял твердо решение отслужить в этот день последнюю литургию, а после нее, когда должны были явиться враги Божии, запереть церковные двери, снять иконы, облить их бензином, взойти на них, поджечь бензин и сгореть на костре... Я думал, что мое самосожжение устрешит и вразумит врагов Божиих - врагов религии и остановит разрушение храмов... Однако Богу было угодно, чтобы закрытие Церкви было отложено».

Вскоре 15 мая 1931 г. Войно-Ясенецкого вторично высыпают в ссылку, в Архангельск, на три года.

Снова арест в конце 1937 г.: «Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста, - из «Мемуаров» Луки, - чекист, очень вежливый человек, стал бить меня... ногой, обутой в сапог... От меня требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил...» Последовала ссылка в деревню Большая Мурта (Красноярский

край).

С началом войны, летом 1941 г., Луку переводят в Красноярск и назначают консультантом всех госпиталей Красноярского края. В своих проповедях Лука всегда сплачивал людей, общество. Государство для него - первая важнейшая народная скрепа. Он покровительствует законному браку, семье, служебной добросовестности, исполнению государственных законов. Сам беззаконно арестованный, без суда сосланный, оторванный от близких, от любимой науки, он даже в мыслях не входит в конфронтацию с режимом. Лука снова и снова готов помочь властям в том, что направлено, по его разумению, на общее дело.

Осенью 1942 г. владыка возводится в сан архиепископа и назначается на красноярскую кафедру. Он служит в открытой весной 1943 г. кладбищенской церкви Святителя Николая, в предместье Красноярска. Его ссылочное положение окончательно завершается осенью 1943 г. Затем владыка Лука служит в Тамбове, в Крыму.

Он скончался 11 июня 1961 года, в день Всех святых, в земле Российской просиявших. «Крымская правда» печатает «некролог» - статью М. Губанова:

«Старая религиозная мораль потерпела жестокое поражение и все более изживает себя... «Так почтили кончину Архиепископа Луки власти государственные, официальные.

... Всю ночь к Собору, на прощание с владыкой шли люди. Из воспоминаний: «... Улицу заполнили женщины в белых платочках. Медленно, шаг за шагом, шли они впереди машины с телом владыки: очень старые тоже не отставали. Три ряда протянутых рук будто вели эту машину. И до самого кладбища посыпали путь розами. И до самого кладбища неустанно звучало над толпой белых платочек: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...» Что ни говорили толпе, как ни пытались заставить ее замолчать, ответ был один: мы хороним нашего архиепископа».

Это был последний поединок Луки со своими гонителями.

(Использованы материалы книги прот. Геннадия Фаста «Енисейск Православный»)

На фото: фрагмент иконы Святого Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) работы архимандрита Серафима (Брыскина)